

На тему еды тоже нашлась своя история.

Жун Чэньцзюнь был законченным трудоголиком. Все три приёма пищи он решал прямо в офисе — просто просил ассистента заказать что-нибудь на доставку. Особых запросов у него не было: времени катастрофически не хватало, и всё, что у него было, он без остатка отдавал любимому делу.

Про дом и говорить нечего. Плита стояла холодной круглый год, а в холодильнике водились разве что пиво, газировка, торты да всевозможные полуфабрикаты — всё это закупала приходящая домработница. Иной раз что-то успевало испортиться раньше, чем он до этого добирался. То же самое было с закусками.

И всё же он просил домработницу регулярно пополнять запасы: порой работа затягивалась до глубокой ночи, и тогда он сам себе что-нибудь наскоро сооружал. Тётушка периодически разбирала холодильник. В своё время маленький дух нечаянно закатился за бутылку пива — и этим спасся...

После пробуждения малыш именно так и питался: холодным, тем, что попадалось под руку в чужом холодильнике. Стоило Жун Чэньцзюню представить себе это — и сердце сжималось от жалости.

В нём тут же взыграл дух авантюриста. Он решил: приготовит сам.

В готовке он разбирался — жизнь не баловала, с детства пришлось всему учиться самому. Но с тех пор, как открыл собственную компанию, к плите не подходил уже много лет. Сегодня — внезапный порыв.

В холодильнике было шаром покати. Жун Чэньцзюнь немного подумал и обратился к И Даньдань:

— Даньдань, побудь дома, посмотри телевизор. Я быстро сбегаю за продуктами и сразу вернусь, хорошо?

И Даньдань не согласился:

— Жун-жун, уже давно прошло моё обычное время обеда. Я очень хочу есть. По телевизору говорили, что если питаться нерегулярно — заболеешь.

Жун Чэньцзюнь взглянул на часы. Начало второго, почти половина...

Каждый вечер И Даньдань ждал его возвращения — только тогда мог спокойно уснуть, — и потому каждое утро просыпался не раньше одиннадцати-двенадцати. Сегодня же Жун Чэньцзюнь специально прождал всё утро, чтобы поймать малыша с поличным.

Проговорили они порядочно. И Даньдань давно проголодался — впрочем, Жун Чэньцзюнь тоже. Просто радостное возбуждение захватило его целиком, и если бы малыш не напомнил — он, пожалуй, вовсе забыл бы про еду.

— Тогда закажем доставку, пообедаем чем-нибудь, а вечером я сам приготовлю. Готовлю я хорошо, — сказал он.

Голос у него был мягким до невозможности — словно боялся спугнуть малыша неосторожным звуком. Жун Чэньцзюнь сам не подозревал, что способен на такую нежность.

— Хорошо, — тихонько откликнулся И Даньдань.

Такая покладистость окончательно его растопила. Жун Чэньцзюнь потянулся и осторожно погладил крошечного яичного духа по голове.

На пальцах у него были мозоли — но это ничуть не портило картины. Длинный белый указательный палец бережно скользнул по макушке малыша, едва касаясь, почти не надавливая.

Маленький яичный дух почувствовал эту осторожную нежность и, склонив голову набок, потёрся нежной щёчкой о его палец.

От этого тонкого, мягкого прикосновения Жун Чэньцзюнь едва не взлетел от восторга.

Он хотел бы гладить ещё, но тут услышал тихое урчание — нагнулся поближе, прислушался и понял: это урчит животик малыша.

И Даньдань испуганно покосился на надвигающееся огромное лицо и попросил жалобным голоском:

— Жун-жун, не подходи так близко, мне страшно. Ты очень большой.

Жун Чэньцзюнь смущённо усмехнулся и чуть отодвинулся:

— Теперь лучше?

— Теперь не страшно, — ответил маленький яичный дух.

С этого расстояния Жун Чэньцзюнь как раз мог разглядеть выражение его лица, не пугая. Оба остались довольны.

Животик у И Даньдань снова подал голос. Медлить было нельзя — Жун Чэньцзюнь схватил телефон и принялся листать меню доставки.

Он открывал фотографии блюд одну за другой и показывал малышу — пусть сам выбирает.

Маленький яичный дух такого изобилия в жизни не видел. Глаза разбегались; он непрестанно ахал: «Ооо!», «Это выглядит так вкусно!», «Какое красивое!», «А это красное — что такое?»

На лице его было написано искреннее потрясение: оказывается, в мире столько всего вкусного! Жун Чэньцзюнь наблюдал, не сводя глаз, и всякий раз, когда малыш задерживал взгляд на каком-нибудь блюде и восклицал в голос — заказывал.

Правда, блюда с яйцами он молча пропускал. И не предупреждал малыша о том, что в нескольких уже заказанных позициях яйца всё же присутствовали. Как и в том торте из холодильника — тоже на яйцах.

Узнай И Даньдань — непременно расплакался бы.

Когда набралось достаточно, Жун Чэньцзюнь с сожалением остановился:

— Всё, хватит на этот раз. Больше не осилим. Когда привезут — попробуй каждое блюдо по чуть-чуть, что понравится — в следующий раз закажем ещё. Договорились?

— Договорились, — послушно согласился И Даньдань, однако взгляд его всё ещё не отрывался от телефона. — Жун-жун, а это и есть телефон? Я видел по телевизору. Он такой большой!

Малыш стоял перед телефоном, как человек стоит перед полутораметровой кроватью, и тихонько охал.

Жун Чэньцзюнь поставил телефон вертикально и обнаружил, что Даньдань не достаёт до его верхнего края...

В этом мире всё было для него непомерно велико. Телефон — не исключение.

— Да, это телефон. После обеда попрошу ассистента привезти один такой — специально для тебя. Будешь скучать по мне — позвонишь. Давай научу тебя, как звонить.

Жун Чэньцзюнь понимал, что днём ему нужно работать, а малышу одному дома будет скучно,

— вот и решил раздобыть ему телефон, чтобы всегда быть на связи.

Познакомились они каких-то час назад, однако разговаривали так непринуждённо, словно были знакомы давным-давно.

Долго и с удовольствием обсуждали телефонный вопрос — пока наконец не привезли заказ.

Жун Чэньцзюнь попросил малыша спрятаться и пошёл открывать дверь. Доставку привезли двое курьеров — заказ оказался немаленьким.

Когда они ушли, Жун Чэньцзюнь позвал:

— Даньдань, можно выходить.

Малыш стремглав вылетел из домика — он уже учуял запах. Только что принявший человеческий облик крошечный яичный дух никогда в жизни не чувствовал ничего подобного.

Жун Чэньцзюнь принялся вытаскивать контейнеры из пакетов и снимать крышки. Маленький яичный дух возбуждённо носился между ними туда-сюда — промежутки между контейнерами были для него как настоящие дорожки, и он бегал по ним взад и вперёд, заглядывая в каждый.

Смотрел то на одно, то на другое — и не мог налюбоваться. Жун Чэньцзюнь наблюдал за ним с улыбкой, в которой смешивались умиление и нежность.

Подходящей посуды для малыша дома не нашлось. Жун Чэньцзюнь взял палочки, подцепил крохотный кусочек рыбы и поднёс к лицу малыша.

По меркам Жун Чэньцзюня — ничтожно маленький кусочек. По меркам И Даньдань — добрая половина его лица.

Малыш вгрызся в рыбу с отчаянным «ням!». Откусил совсем чуточку — такую, что Жун Чэньцзюнь поначалу даже не заметил разницы, лишь приглядевшись понял, что кусочек слегка уменьшился. Но даже этой малости хватило: щёчки у малыша тут же надулись...

Жун Чэньцзюнь в который раз поразился: до чего же он маленький.

А И Даньдань в это время поражался своему.

Как же это вкусно. Почему в мире существует нечто настолько вкусное? Так вкусно, что хочется проглотить собственный язык.

Маленький яичный дух ел самозабвенно — долго, неторопливо жевал, наслаждаясь каждым кусочком. Наконец проглотил и снова уставился на Жун Чэньцзюня с выжидательным видом.

Жун Чэньцзюнь уже успел убрать палочки. Блюд было много — если с каждого попробовать по чуть-чуть, малыш, пожалуй, наестся.

Он взял ложку, зачерпнул тыквенной каши и поднёс к губам малыша. Тот сделал глоток — и глаза загорелись.

Сладкая!

Он с чавканьем выпил несколько ложек подряд, и Жун Чэньцзюнь позволил ему насладиться вдоволь — только потом убрал.

— А теперь вот это попробуй. Посмотрим, справишься ли с острым.

Он подцепил мягкий кубик мапо тофу и поднёс к малышу.

И Даньдань попробовал — и шумно втянул воздух сквозь зубы. Острое с онемением ударило по языку, но стоило пожевать ещё — и аромат становился всё богаче, всё соблазнительнее.

Он хрустел и шипел ещё пару раз, и Жун Чэньцзюнь убрал тофу. Малыш проводил взглядом исчезающий кубик с нескрываемым сожалением:

— Жун-жун, я ещё хочу.

— Острое в больших количествах вредно. Слушайся. Попробуй лучше вот это.

Жун Чэньцзюнь с сияющей улыбкой кормил малыша, пока тот не наелся досыта, — потом оторвал мягкий кусочек салфетки и вытер ему рот. Сам в несколько движений расправился с двумя порциями риса. И Даньдань смотрел с искренней завистью.

Весь этот огромный стол еды — а он от каждого блюда попробовал лишь по чуть-чуть, и уже набит до отказа. Будь он таким же большим, как Жун Чэньцзюнь — ел бы сколько хотел.

В тот день Жун Чэньцзюнь был в особенно хорошем расположении духа. После обеда ещё долго разговаривал с И Даньдань — постепенно, по крупице, выяснил весь его небогатый жизненный опыт.

Уже очень давно он так не расслаблялся. Появление малыша всколыхнуло его застывший, промёрзший мир — теперь он светился изнутри, и это было заметно.

Наконец-то у него есть кто-то, кто нужен ему. И кому нужен он сам. Пусть этот «кто-то» — крошечный дух-озорник.

Точно долгожданный дождь после засухи. В иссохшем сердце чуть дрогнул живой росток — ещё совсем хрупкий, едва пробившийся сквозь потрескавшуюся землю. Но дай ему время — и вырастет в могучее дерево, уходящее кроной в самое небо.

<http://bllate.org/book/18224/1746707>